

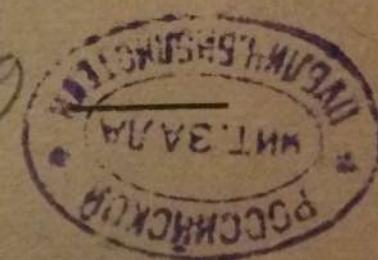
7-3585.

В. И. СИМАКОВ.

ЧТО ТАКОЕ
ЧАСТУШКА?

К вопросу об ее историческом происхождении
и значении в народном обиходе.

846/59

МОСКВА.
ИЗДАНИЕ АВТОРА.
1927 г.

39
1749

В. И. СИМАКОВ.

4208

3905
XXI-2929

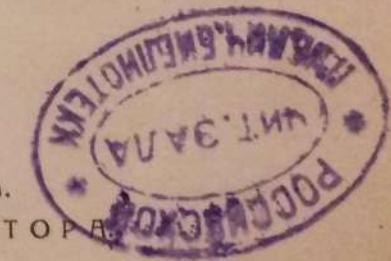
ЧТО ТАКОЕ ЧАСТУШКА?

К вопросу об ее историческом происхождении и значении в народном обиходе.

Г. П. Б. в АПГР.
ОБЯЗ. ЭКЗ.
1928.

МОСКВА.
ИЗДАНИЕ АВТОРА.
1927 г.

ИМ. М.

2828-41

Об историческом происхождении частушки*).

Изучение народной частушки является делом сравнительно новым и мало изученным. О поэзии эпической, как былины и лирической песни написали целые горы исследований, о частушке ничего подобного нет. Правда, о ней есть целый ворох самых разнообразных и разносторонних мнений, разбросанных по разным журналам, газетам, брошюрам.

И совсем нельзя сказать, чтобы была бедна сама литература о частушке, нет, она к данному моменту не бедна, а даже богата своими материалами.

Не мало собрано и напечатано текстов самих частушек, не мало о ней писалось разными лицами (конечно не специалистами), но более-менее специальных исследований о ней мы до сих пор не имеем и мы по-прежнему не знаем, что же это в сущности за поэзия? Как и при каких условиях она слагается? Кого она обслуживает? Кто ей больше интересуется? Кто в ней больше затрагивается? Как в этой поэзии отразились все бытовые и социальные явления народной жизни. Вот, приблизительно, маленький перечень вопросов, на которые и желательно бы слышать определенные ответы.

Правда, может быть потому и нет надлежащей оценки данному творчеству, что сама частушка не так давно выплыла наружу, как невиданная форма на-

*.) Настоящая брошюра исследованием не является; автор ее имел ввиду более скромную цель—это поделиться своими наблюдениями, как любитель-собиратель и только. В. С.

родного творчества и своей новизной породила целую литературу спора о ее старине и новизне.

И как ни странно, а это так, что если мы возьмем самый кратчайший срок, шестьдесят лет тому назад и просмотрим все материалы того времени, то в них не найдем никаких признаков, которые бы говорили о существовании подобного творчества.

Я неоднократно делал попытки углубиться, хотя бы во времена петровские, и отыскать там более существенные признаки существования частушек, но все мои попытки оставались безрезультатными, и я остался в том же неведении, не находя существенных доказательств за или против.

Не имея положительных данных к разрешению вопроса о происхождении частушек и их давности, мы невольно становимся на почву догадок и предположений.

Не беря на себя смелость к окончательному решению данного вопроса, я считаю не лишним заметить, что я не сторонник видеть в частушке большой новизны, а скорее убежден, что этот вид народного творчества не так уж нов, как это многие думают.

Все мои предположения основываются на следующем: рассматривая исторические документы, мы часто в них находим жалобы, как духовных лиц, так и светских, на народ и на него непристойные песни.

В особенности много раздавалось жалоб на наших первых артистов древней Руси, на докучливых веселых скоморохов и на их какие-то особые крикливо-веселые короткие песни.

Что это были за песни, репертуара песен их до нашего времени не дошло и мы только знаем, что они пели какие-то веселые короткие песни и сквернословные припевы. См. А. Филинчин, „Скоморохи на Руси“.

Вот и весь багаж наших познаний об их песнях. Но и такие скудные сведения — все же ярко и неоспоримо свидетельствуют о существовании каких-то коротких припевов.

Что это были за припевы древней Руси, сказать,

конечно, трудно, но по аналогии с теперешними короткими частушками, можно предположить, что если не теперешние по содержанию и форме пелись припевы, то все же они были очень близки к нашим современным частушкам, как по форме, так и по своему духу.

Для веселых и странствующих скоморохов со своими гусельками яровчатыми, подобный отрывочный вид, как частушка был самым удобным и гибким.

Сказать короткий отрывок в виде намека, шутки, сатиры гораздо легче, чем пропеть целое повествовательное произведение.

Да и короткий отрывок едкой сатиры гораздо сильнее действует на собравшуюся толпу соглядателей.

А потому вполне естественно, что этот вид народного творчества был у скоморохов в большом ходу и не даром об этом свидетельствует наша история.

У Терещенко („Быт русского народа“, т. 4, стр. 190) есть очень характерное указание на существование специальных коротеньких песенок скоморошьих, где он в описании троицына дня говорит: когда надоедают длинные песни, то начинают петь скоморошьи:

Негодный сын таракан,
Купил девке сарафан,
Она его носит
Бумажного просит.

Этим песенка и заканчивается.

В былине, записанной Рыбниковым „Соловей Будимирович“ (т. I, стр. 324) находим указания на существование каких-то малых припевов:

Танцы он ведет от Новгорода,
А другия ведет от Еросалима,
А все малые припевы из-за синя моря.

В онежских былинах, записанных Гильфердингом, есть тоже указание на существование припевов:

Танцы ведут от Новагорода,
А дру́гие ведут от Еросалима,
А припевы припеваю́т хорошие.

(Гильфердинг „Онежские былины“, т. I, стр. 370 и 954).

Дальше из этих же былин мы видим, что все эти припевы малые исполнялись под гусельки яровчатые и пляску.

Если мы будем пристально изучать современные припевы-частушки, то мы скоро заметим, что среди молодежи, а в особенности среди молодцов, исполнение частушек происходит под гармонию, балалайку, и бубен и часто после каждого спетого куплета раздается, как придаток к музыке возглас — Ух! Ух!

Без сомнения, название пригудки, припевки — слово очень старинное и эти слова появились у людей только с появлением музыкальных инструментов.

В Тверской и Псковской губ. современную частушку называют в народе пригудкой-припевкой.

Слово — пригудка — произошло от слова гудок. Пригудать, припевать под гудок породила слово пригудка.

В простонародной речи мы часто слышим такие уговоры:

- Я буду играть (на гармонь, балалайке)
- А ты пригудай (значит припевай песни).

На этих же основаниях произошло слово припевка. Припевка означает — прибавить свое к музыке и пляске. Но эта прибавка должна быть непременно в лад музыке и пляске и тогда получится более разнообразия и красоты.

О собирателях и собранных песнях.

Собирание устной народной поэзии у нас имеет свою большую историю, но изучение самих собирателей и сказателей это дело только началось.

Между тем собирателя, сказателя и их собранные ими материалы очень важно знать и это все проливает лишь большой свет на выяснение вопросов: при каких условиях собирались все эти песни и под каким углом зрения они рассматривались и изучались самим собирателем.

От этих методов критического анализа зависит многое, от них зависит и наше дальнейшее суждение об этом.

Изучая старые методы сопириания, собирателя, очень ярко бросается в глаза их индивидуальные страсти к седой старине и полное не внимание ко всему новому.

Об этих недостатках писал Костомаров, это же ехидно высмеивал Аполлон Григорьев, называя это археологической страстью, об этом писали в свое время и многие другие.

И такая страсть поистине много мешала истинному выяснению многих вопросов и благодаря этому, теперь много приходится решать по догадкам и предположениям.

Первыми собирателями на научных основаниях этнографии были П. В. Киреевский, Рыбников, Гильфердинг, Якушкин. И последними собирателями Григорьев, Ончуков, Марков.

Все внимание этих собирателей главным образом было обращено на два самых главных положения.

Первое: это на сохранение для потомства умираю-

щей былины. Второе: эти материалы были привлекательны и тем, что они свидетельствовали о давно прошедших днях и были, часто, великими памятниками седой старины. Интересны они были лингвистическими и синтаксическими сторонами. Стороны же социально бытовых и общественных группировок их совсем не интересовали, не интересовало их само разслоение между старым и новым поколением и противоположность бытовых интересов.

И таким образом, работая, собиратель в направлении чисто археологическом, вряд-ли прежнего собирателя могла заинтересовать ярко индивидуальная песня хотя-бы частушка.

Вполне естественно, если она ему и попадала, то он от нее всеми силами отмахивался, не признавая за ней никакой ценности, называя ее трактирно-лакейской, пошлой, непристойной и т. д.

И вот по милости такого принебрежительного отношения ко всему новому, мимо ушей старого собирателя, много проскальзывало ценного, которое, как не надо лучше, дорисовало бы картину в другом направлении, о бытовых народных взаимоотношениях между старым и новым поколениями.

И вполне естественно, просматривая былые записи старых собирателей, хотя бы такое колlosальное собрание, как П. В. Киреевского, в этом собрании не найдешь никаких признаков, которые бы говорили и свидетельствовали о существовании в их время, такого вида народного творчества, как частушка.

Между тем можно неоспоримо доказать, что частушка в их времена была на лицо и она уже существовала в полном своем расцвете. Из старых сторо-жил, мне тридцать лет тому назад еще свидетельствовали старички и старушки, хорошо помнившие крепостную жизнь и прежние свои ребячью интересы. Они говорили: что частушка в те времена была так же в большом ходу, как и длинная песня.

Мне сейчас живо вспоминается рассказ своей род-

ной бабушки Лукерьи, которая умерла лет тридцать тому назад, дожив до глубокой старости до 93 лет. Она мне говорила свой печальный рассказ так:— „Жали мы, говорит она, на барщине. Были еще все молодые. Да и давай припевать припевки про своего же барина, а барский бурмистр все это подслушал, да всех нас голубушек на барский двор позвал, да и давай нас пороть по череду, чтобы мы впредь подобными песенками не занимались, а к самому барину относились с уважением и почтением“. Она же мне сообщила свои старые частушки.

Вот они:

Продам штофной сарафан,
Куплю светлой самовар;
Продам пуговки литые,
Куплю чашки золотые.

Д мать моя эту же частушку пела в другом варианте:

Продам фартук и передник,
Куплю чайник и кофейник,
Продам пуговки литые,
Куплю серьги золотые.

Еще песня бабушки:

Изба нова дранью крыта,
На углу нужда прибита,
Кабы была сила мочь
Оторвал бы нужду прочь.

При этом нужно заметить, что перед концом крепостничества штофные сарафаны были в большой моде. Самоваров же в деревне совсем не было и они были мечтой приобретения. Пуговки литые представляли из себя ценность и большую моду. С получением воли у зажиточных крестьян было большое стремле-

ние свои новые строящиеся дома крыть дранью и в ча-
стушке это ядовито высмеяно. Что брат, дом-то новый
под дранью, а нужда-то в углу сидит. И этот укор
строющий дом, дранью крытый, принимает.—Што ж,
говорит, кабы была сила мочь, оторвал бы нужду
прочь. Израсходовался с постройкой, ну силенки и
не хватает.

Помимо этих живых памятников, мы так же имеем
кое какие печатные тексты, как на старых лубочных
картинках, так и в старых лубочных песенниках.

В старом лубочном песеннике (*Радость и Весе-
лие ч. 4-я, стр. 152*) имеется следующая песня:

Назвал гостей,
Наварил костей;
Не хмурь лица,
Подавай винца.

Очень много попадается частушек в старинных ро-
манах, где герои часто поют подобные четверостишия.

Возьмем хотя бы первый попавшийся роман шести-
десятых годов: Ф. Решетников. Где лучше. стр. 236.

Ах, московская дорога,
Шириную в два аршина,
По ней бегает машина —
Настоящий соловей;
Не качает — не трясет —
Словно вихорем несет.

Попадаются частушки и в журналах старых. Возь-
мем для примера: Развлечение, за 1870 г. номер 42, там
находим:

Эх - ну, тряхну!
Про Банкетову жену:
Как надысь его жена,
Не дала ему вина!

Помимо всего этого, как пренебрежительно
не относились старые собиратели к коротеньким песен-
кам, но все же они, хотя и изредка, но попадались
на страницах их сборников, в отделах шуточных, дет-
ских, святочных, игровых и т. д.

В сборнике Варенцова: „Песни Самарского края“,
1862 г. в отделе шуточных:

Гуляй, гуляй, голова
Отвечай, моя спина.
Коли будет спине больно,
Любить девушек довольно.

и дальше:

Полюбила торгаша,
Нету денег ни гроша,
Нету денег ни гроша
За то слава хороша.

Вот еще напечатаны самые настоящие частушки в
Олонецких губ. Ведомостях номер 81, за 1860 г.

Прощай, Вася, не сердись,
Про любовь не говори,
Про любовь не говори,
Своей милой ты не жди.

Я у батюшки, у матушки
Едина дочь была,
Я едина дочь была
Темны ночи не спала.

Я без рыбы есть не сяду,
Без калачика не ем;
Без милого спать не лягу,
Без надежды никогда.

Помечена она под видом хоровой и выдана за хо-
ровую песню.

В Новгородских губ. ведомостях, 1875 г. в номере 11, напечатано:

Как лединские девицы
Не в уборе хороши:
У них косы завитые,
Гребеночки золотые.
Неси воду, не качай
Оставляй воды на чай.

Гуляй, милый мой
Покуль не женил отец
Еще девица гуляй,
Молодчика выбирай.

Подобных выписок можно бы сделать очень много, но мне кажется, что вполне и этих достаточно, чтобы убедиться, что частушка не так уже нова, как это многие думают.

Что такое частушка.

Покончив вопрос об ее историческом прошлом, теперь постараемся обратиться к самой частушке и выяснить, что же это за вид народного творчества. От правильности решения этого вопроса зависят все наши дальнейшие о ней суждения.

Благодаря отсутствию строго научного определения самой частушки, у нас все время этот отрывчатый вид смешивали с продольными песнями.

Происходило так: ставили рядом частушку и песню и начинали кричать об упадке народного творчества, часто говоря при этом:—что уж это за песня, один срам, не столько музыки, сколько гавканья, если песня зеркало, то частушка ваша битое стекло.

Правда, если поставить нашу высоко гармоничную песню на ряду с частушкой мало музыкальной, то, конечно, последняя будет в большом проигрыше и она будет из себя действительно представлять битое стекло.

Но вот на наше счастье, все дело обстоит с частушкой не так, как это многие думают.

Частушка никогда не была песней и никогда ею не будет. Она самой судьбой предназначена играть роль совершенно другую не чем ту которую ей навязывают.

И если ей навязывают, песенную роль, то это происходит просто потому, что они не знают самой частушки, не знают ее роли в народном быту..

Правда, частушка и песня родились от одной матери и они обе родные сестры.

Но не одно у них историческое назначение. Песня—законченное целое о чемнибудь повествование, восоко поэтичное и гармоничное создание, хватающее

порой за душу своей музыкальностью. Частушка же ни что иное как маленький отрывок, клочек отдельной мысли, крошечный жизненный эпизодик; частушка вас может рассмешить, может вас ядовито ужалить, может навести на думу, размышление, но никогда вам не даст музыкально поэтического настроения.

Если песня в вашу душу вносит покой, то частушка в вашу душу вносит тревогу и беспокойство.

Вот вам ее отличительные стороны в музыкальном отношении. Теперь постараемся найти сторону внутреннюю, по ее содержанию.

Длинная песня, как мы раньше говорили, содержит в себе целое повествование, целое то или другое событие, частушка же имеет всегда одну — две мысли и редко три, запечатлевает собой самое коротенькое событие жизни, порой представляет из себя как бы коротенький рифмованный житейский афоризм, пословицу и только. На этом она останавливается и дальше этого не идет...

И куда как прав известный писатель Л. Войтоловский, который находил, что в самой незаконченности частушки и есть вся сила.

Да, в этом есть, действительно, большая сила. Если она была длинна, то она бы не была в состоянии играть той громадной роли: в форме сатиры, в форме юмора, в форме остроты сказанного.

Но мало того, ее острота связана с некоторой музыкальностью, что все это худо ли или хорошо, но можно спеть, и в этом во всем получается еще больше красоты и образности.

И такие отрывки бывают очень полезны при любовном флирте, полезны бывают и в бытовой обстановке жизни.

Приноровленный к случаю, удачно сказанный поэтический говорок всегда производит фурор на окружающих. И недаром наши старые поэты, как А. С. Пушкин, часто прибегал к литературным экспромтам. Ну, а этот экспромт народный и этому экспромту народ,

как не надо лучше, дал свое собственное название „припевки.“ Да она, действительно, в самой жизни тем и является.

И как был народ прав, дав ей такое точное определение и назвав ее действительным своим именем: припевки.

И если мы припевку назвали по литературному экспромту, то это было бы не правильно и не правильно было бы потому, что экспромт всегда только говорится, а припевка — частушка, мы знаем, припевается. Слово частушка, слово — литературное. Оно, вероятно, произошло от глагола частить — часто, от сюда и слово частушка.

В народе частушка носит другое название и таких названий она имеет несколько: припевка, пригудка, коротушка, набирушка и реже свирушка.

Если частушка есть только „припевка“ и больше ничего, то вполне естественно, что она не есть продукт целого коллектива, а вполне является продуктом отдельной личности.

Ее творец отдельная личность, она ей обязана, она ей и служить. А раз она индивидуальна, ей нет места в хороводе, ей нет места и в беседе.

Она не представляет из себя об'единенного коллектива, где мысль сходится в одну точку.

Она чаще всего пытет протестом, дышит революционностью и заставляет спящих пробудиться. Она вас никогда не заставит слиться во едино, как это чувствуется, порой, в длинной песне.

Она вас зовет не к об'единению, а наоборот, к раз'единению, она есть поэзия протesta; она ведет самую отчаянную борьбу с вековыми предрассудками старого домостроя, часто собою указывая новые пути, новые направления самой жизни.

Но я знаю наперед, что некоторые из читателей зададут мне вопрос и скажут: — „а частушку я на беседах хотя изредка, но слыхал, слыхал я ее и на пирушках“.

И этого нельзя оспаривать, это бывает, но при каких обстоятельствах все это происходит? — Вот главный вопрос.

Я сам был не редко свидетелем, когда на веселых беседах пели свадебные песни и они были, как бы со всем не к лицу, но это были факты с которыми спорить не приходится.

Я раньше приводил из книги Терещенко („Быт русского народа“), где он говорит: „когда надоедали длинные песни, то начинали петь скоморошьи“.

То же самое часто происходит и на наших современных беседах, и я раз был очевидцем, как ловко воспроизводили девицы, крестьянскую свадьбу с причитаниями, с припевом свахе, свату и т. д.

И все это происходило в шутку, когда надоедали всем песни и пляски и это делалось для разнообразия.

И кто не знает период святок, в это время, что, что не делается, лишь было бы весело и занято.

За последние годы у нас в Тверской губернии, Кашинском уезде, появилась следующая мода: из многих частушек составят песню и распевают ее хором, в особенности это любят проделывать с двухстрочными коротайками, так называемыми Саратовскими страданьями или Матанями. (Все эти тексты приводятся ниже) и все это у них выходит более менее музыкально и содержательно.

Нельзя пройти молчанием и следующего факта, что за последнее время стали все чаще и чаще раздаваться голоса о якобы вытеснении песни частушкой.

Но это все напрасные слезы, и всем таким плачущим можно смело сказать: отбось, друг, слезы, отбось печаль. Пока будет существовать сам мир и люди, до тех пор будут существовать и его задушевные песни. Песня есть признак жизни, это красота и радость жизни, она есть веселый пир жизни, высшее напряжение духовной радости. Если у народа отнять песню, то это значит отнять у него последнюю радость

самой жизни и погрузить его в вечные безотрадные будни, печаль, скуку.

Покажите уголок в мире, где бы не раздавалась песня, укажите народ, у которого не было бы песни. Не сможете вы указать такого уголка и народа без песни, не сможете вы и отнять у народа его задушевную песню.

Песня есть исторический закон, без которого не может существовать ни один народ и каждый народ дрожит своей песней, как веселой спутницей его жизни при деле и безделье, и она его часто выручает во время обуреваемой тоски и печали и дает подспорье в его часто тяжелой работе. Под песню и работа идет веселее и сам труд не кажется таким тяжелым.

Длинная песня по прежнему у народа высоко ценится и напрасны все те опасения, что частушка может заменить песню.

Нет, частушка никогда не была конкурентом длинной песне и никогда ей не будет, они никогда друг другу не мешают, а наоборот идут нога в ногу совершенно по разным дорогам, дожидая известного момента, когда позвут на пир жизни сами-же люди.

Ни песни нуждаются в людях, а люди нуждаются в песнях.

Но песен много есть, есть песни тюремные, есть бурлацкие, фабричные, любовные. Как сложатся жизненные обстоятельства, такую люди тянут и песню за бока. Послушайте что поют в тюрьме, рабочий при изнурительных тяжелых работах, первые всегда тоскуют о воле, а вторые о своем несчастьи и пыщут местью на своих угнетателей.

Но теперь посмотрите, что делается на веселой пирушке, беседе, тут другую люди зовут песню, они от песни требуют, чтобы она им прибавила еще веселья, и счастье совсем было бы через край.

То же самое происходит и с частушкой.

Частушка имеет свое бытовое назначение, свое в полном смысле обособленное, она не может конкурировать с длинной песней по тому, что она находится в другой

плоскости, чем длинная песня. Да и что у ней общего с нею, да ровно ничего.

Разве в длинной песне можно ехидно высмеять подружку, парня заломтя, сказать неприятное своей сопернице, выразить протест отцу—матери, нет в длинной песне этого всего нельзя выразить, а в частушке все это можно и можно, нужно сказать, с большим успехом.

Частушка на сцену жизни выплывает тогда, когда она действительно бывает очень нужна, когда она бывает кстати.

Возьмем хотя бы деревенскую пирушку. Угощенье кончилось. Песни припелись и надоели всем, пошла пляска, а где пляска, то частушка уж тут, как тут, без нее никак нельзя обойтись, а если обойдешься, то выйдет все тускло и бледно, а с ней все будет выпукло и красиво и тут уж никак не устоишь, чтобы в пляс не пуститься.

И вот перед нами у народа есть свои специальные плясовые частушки, которые только и пускаются в ход при пляске.

Гуляй, сатана, гуляй бешеная,
Гуляй, милая моя, разутешаная.

* * *

Эх, черт с тоски, потерял носки—
Еще валенки, моей барыньки.

* * *

Семь сот пропьем—не поморщимся,
И плясать пойдем—не сугорбимся.

Частушка сама по себе, не имеет ни прошедшего ни будущего, она имеет только настоящее.

И тысячу раз прав тот же писатель Л. Войтоловский, который удачно сравнил частушку с поденкой, и она действительно поденка, сегодня она звучит, а завтра всеми забыта, часто, навсегда, как бы ее и не существовало.

Она из себя представляет красивый метеор, пока тот летит, до тех пор и светится, а как упал—так и следа не осталось.

За мою 30-летнюю практику в деле собирания народных частушек, я должен засвидетельствовать, что много старых частушек сошло уже со сцены жизни и они как видно, забылись навсегда и ни когда не воскреснут.

И когда сказателям напоминаешь о них, то они на это говорят: что мы таких не слышали и разве сказывали удачные из них живут еще в народной памяти.

Дорога моя подружка,
Я новинку слышала:
Супротивница забавочке
Платочек вышила.

Подобных и вполне безыскусственных частушек привести можно очень много, но для примера и этого достаточно.

Рассматривая их и их незатейливость в самом сложении, а порой и полную их безыскусственность, становится ясно, что подобные вирши может творить любая девченка или малец, лишь бы была на это охота.

Да потом, как мы и выше говорили, что может быть некоторые из них невольно сами срываются с языка народа, под самым незначительным предлогом жизненных обстоятельств.

Но помимо всего этого, есть и отдельные творцы самих частушек, которые любят их сочинять.

Пищущий эти строки, долгое время интересовался вопросами сложения самих частушек и их авторами, и вот только недавно мне случайно посчастливилось подловить самих авторов слагаемых частушек.

Произошло и открылось все это случайно и не ожиданно, да при том же как раз в своей родной деревне в 1924 г.

Пополняя свой репертуар новыми частушками, я время от времени собирал своих однодеревенских девушек, от которых записывал, как частушки так и длинные песни.

Сообщая мне свои частушки, две из десяти, мне робко сознались, что они время от времени сами сочиняют частушки и их распевают.

Обеим сочинительницам, Кате и Наташе, всего по двенадцатому году. В школе они не были, да она и далеко в четырех верстах от деревни. Учились они дома и во время голодовки за меру картошек. Читать кой как могут, а писать совсем плохо.

Как слагаются частушки и кто их творит.

Если мы будем изучать и рассматривать историческое зарождение этих своеобразных вирш-припевок, то мы и тут скоро увидим, что они и здесь имеют свою особенность и свою историю.

Если длинная песня составлялась отдельной личностью, то в дальнейшем мы видим, что она все же проходила целый путь своего развития и ее обрабатывали и приспособляли к своему вкусу целые поколения и только, благодаря этому, она долго жила в устах народа и выражала собою взгляд целой толпы.

Частушка же ничего этого не имеет и если мы будем изучать, как зарождаются подобные вирши, то мы скоро увидим, что они рождаются и плодятся, как весенние мухи, и при самых незначительных поводах и случаях, часто представляют из себя, как бы последнюю деревенскую хронику.

Частушка совсем не нуждается в долгих придумываниях и подборке рифм, она, часто, вызывается самой потребностью жизни, и как бы сама совсем безискусственно срывается с языка самого народа.

Возьмем хотя бы такую совсем безыскусственную частушку:

Милая подружка
По себе размысли,
Тебе охота ли любить,
Который не по мысли.

Или такую:

Песенки-частушки составляют по памяти.
Но что это за песенки привожу ниже:

Говорят, что боевая,
Боевая я и есть,
Боевые ноне в моде,
Боевым большая честь.

* * *

Как в Челагине деревне
Под окошком цветики;
Как челагенски девченки
Чистые потретики.

* * *

Я сидела под окошком
При цепочке золотой;
Подошел красивый парень
Познакомился со мной.

* * *

Соколово-то деревня
По задворкам чистой пруд;
Соколовский-то Павлуша
Настоящий жулик-плут.

* * *

Возьму новую корзиночку
Пойду я за грибам;
Как увижу расхорешего
Грибы ему отдам.

Слушая, конечно, все эти частушки, то никому и в голову не придет, что это плоды детского творчества, а между тем это так.

Вглядываясь во внешний вид этих сочинительниц, вполне безграмотных, робко застенчивых, ни

как нельзя было бы заподозрить их в авторстве этих деревенских сочинений; да они ничем особенным и не отличаются от своих подруг—сверстниц, ни своим развитием, ни своей любознательностью, а живут всеми теми же интересами, как и прочие подруги-девушки.

Авторством своим они совсем не превозносятся и никому о своем сочинительстве не говорят, а о том, что авторство представляет из себя некоторую ценность, то они об этом не знают.

Все это у них делается не ради каких нибудь выгод и славы, а ради собственного интереса: пустить по деревне новую частушечку, так как старые уже всем надоели, и это все производится от нечего делать.

И выползают на улицы и задворки все новые и новые частушечки, и если они удачно сложены, то они поживут некоторое время, не удачно сложены,—завтра же умрут, не оставив за собой ни какого следа.

Судьбой их никто не интересуется, судьбой их не интересуются и сами авторы, а относятся совсем холодно и равнодушно.

Если частушка так случайно и налету творится, то она так же налету и усваивается.

Что бы заучить длинную песню, то для этого ее нужно несколько раз послушать, для частушки этого совсем не надо, она с первого раза усваивается.

Но такое быстрое усваивание порождает порой большие курьезы и странности и создают для одной и той же частушки массу вариантов.

Привожу для примера:

На окошке сидит кошка,
Намывает себе хвост;
Прошла маслена неделя,
Наступил велий пост.

(Вологодская губ.)

Сидит кошка на окошке,
Покорюча белый хвост;
Прошла маслена широка,
Настает великий пост.

(Ярославская губ.).

Сидит кошка на окошке,
Вышивает себе хвост;
Прошла маслена неделя,
Наступил великий пост.

(В. Князев. Частушки-коротушки, стр. 4).

Во всех трех частушках мысль одна и также: прошла масленица, наступил пост, но положение хвоста у кошки все время меняется, то она намывает, то сидит подкорюча, а в последнем случае совсем бесмыслица—вышивает.

Неужели положение хвоста, так было важно обрисовывать, оставляя всю суть старую, ни чего не изменяя.

Все такие странности об'ясняются очень просто, и на таких странностях я часто ловил своих сказателей частушек, они потом сами сознавались, что, забывши, вставили свое слово.

И все это происходит большею частью не умышленно, а просто случайно. Певец просто не дослушал и не дослушавши перепутал, или просто забыл и вставил свое слово.

Вот самые главные причины, которые и создают одной и той-же частушке, массу вариантов.

Техническое построение частушек.

Если мы впереди говорили о причинах, вызывающих те или другие частушки, о самих авторах, слагающих их, то сейчас скажем о технических приемах, как слагаются они.

В этой области вряд ли придется сказать что-либо новое. Частушки слагаются по старым законам лирической песни, и они мало чем разнятся от последней, как постановкой и расположением стиха, так и своими оборотами речи.

В этом отношении они буквально идут по старым стопам лирической песни, отличаясь только своей краткостью.

Старые образы, старые сравнения, старые символы, эпитеты, часто те же тавтологические обороты речи. Параллелизм здесь играет большую роль, чем в старых лирических песнях и он встречается чаще.

Но это об'ясняется тем, что в частушках выражается большей частью одна мысль и она вместе с образами требуется для увязки выраженной мысли, вот в этом и причина, почему так часто в частушке параллелизм.

Для наглядности я постараюсь здесь привести все примеры. Пример технического построения частушек:

Раскудрявая березка
Ветра нет, а ты шумишь.

Первые две строчки взяты, как образы сравнения, а ниже две последние строчки сама суть дела, что хотел выразить певец:

Мое ретивое сердечко
Горя нет, а ты болиши.

Дальше, другая частушка:

Уж ты, маменька родима,
В поле цветик сорвала:

Сама суть главной мысли:

Мою молодость сгубила
Рано замуж отдала.

Обе частушки имеют параллелизм и вместе с тем символизм.

Символ, сорвать цветок—значит погубить его.
Выйти замуж—значит отвести девичьей красоте, погубить молодость.

Во второй частушке также взято очень красивое сравнение:

Шумит без ветра, это странность, ненормальность.
Болит сердечко без причины — странность, ненормальность тоже.

Но бывает и так, что главная мысль выражена через строчку.

Лежит камушек гранатый,
Мой забава небогатый;
Колосится в поле рожь,
Не богатый, да хорош.

Еще пример:

Ах, ты, аленъкий цветок,
Я уеду на восток,
На востоке-то война
Может там убьют меня.

В последней частушке, как образ одна строчка, остальное—суть дела. Но с последними двумя построениями частушки бывают редки.

И еще реже бывает, когда сама суть впереди, а образ сравнения позади.

Очень большое количество попадается таких частушек, в которых нет ни образов, ни параллелизма, ни символов, а просто одна суть дела. Такие частушки можно сказать, совсем безыскусственны, они как бы сами сорвались с языка.

Дорогой то дорожиночка
Вчерась с ума сошел,
Со веселой со беседушки
Ранехонько ушел.

* * *

Пойду на гору косить,
Попрошу у Коли пить:
Количка, напой водой—
Все равно корят тобой.

Не мало попадается и таких частушек, которые производят впечатление, разговорных, но таких перекличек между милым и милой я лично никогда не наблюдал и ониются так же, как и все прочие:

Милая фартовая
Готова ли бардовая?
— Не готова—не совсем,
Не знаю ворот вышить чем?

* * *

Не ходи, милаша, тут
Ты утонешь: берег крути!
— Ягодиночка, ты мой,
Рада я тонуть с тобой.

* * *

Ну и что же не расскажешь,
Чего дома говорят?
— За гуляночку ни слова—
За тебя, милый, бранят.

Частушки плясовые в техническом построении, ничего нового из себя не представляют. Эти частушки редко поются, а большею частью приговариваются в лад к музыке и пляске.

При приговаривании на конце каждого слога делаются усиленные ударения в самом произношении.

Произносятся они быстрым темпом, в лад пляске.

Мои ноженьки
Из дороженьки,
Сейчас пришли—
Плясать пошли.

* * *

По дорожке шла
Носовик нашла;
Развязала кончик
От милого поклончик.

* * *

Ах, здобная,
Пошеничная,
Ни ткать, ни прясть—
Никудышная.

И часто после каждого спетого куплета добавляется от себя возглас: эх, ты! или: ух, ты!

Если мы впереди приводили примеры технических построений самих частушек, то здесь не лишнее будет привести образы живой и не живой природы.

Образы из жизни птиц:

Поднебесная кукушка,
С горя камушек клюет;
Разнесчастная девченка
С горя песенки поет.

* * *

Вороны и галушки—
Все летят по парушке;
А я, бедна сирота,
Брошу по полюшку одна.

* * *

Не летай, голубь, один,
Мы голубушку дадим;
Мы таку голубушку
Из всей беседы любушку.

Образы из жизни животных:

Ешь коровушка сенцо,
Забывай-ка травушку;
Отдадут дружка в солдаты
Забывай сударушку.

Ты не лай, не лай собачка,
У крылечка дамочка;
Ты послушай-ха, милашка,
Как ревет тальяночка.

* * *

Что то сделалось теленочку
Не стал водицу пить;
Что то сделалось миленочку,
Нестал сюда ходить.

Образы из рыб, насекомых:

Как у милки у души,
Очень глазки хороши,
Как у рыбы у ерша
Очень милка хороша.

* * *

Комар пищит,
А рыбина бьется;
Посмеялся надо мной,
Милый,—не придется.

Образы из сил природы:

Моя молодость проходит,
Что весенняя вода;
Не ходи, подружка, замуж
Без любови никогда.

* * *

Моя молодость проходит,
Что из печи серый дым;
Отдаешь, папаша, замуж
Я не гуливалась с ним.

Образы из не одушевленной природы:

Все то звездочки сияют,
Я одна погасла;
Все то девушки счастливы
Я одна несчастна.

Образы из обыденной бытовой жизни:

Ты играй, играй гармошка,
И воспой, как соловей;
Я родняшеньки не брошу,
Хоть родима мать убей.

* * *

Косить буду сенокос
Дроля придет на покос;
— Глянько, родный батюшко,
Какой фартовый зятюшко.

Примеры повторения (Тавтология):

Спички вместе, спички врозь,
Спички прямо, спички вкось,
Спички прямо—пополам,
Спички здесь и спички там.

* * *

Пойду—схожу...
Погуляю, похожу...
Стоить тужить-горевать,
На все дело наплевать.

Рифмованное пустословие или деревенская декаденцина:

Мельница шатровая
В талийке не сходится;
Борона железная,
Под судом находится.

* * *

Шли мы черным озером
Калоши приморозили,
В колокол ударили
Калоши оттали.

Четверостишия, выхваченные из известных русских песен, они иногда распеваются, как частушки.

Где девался тот цветочек,
Что долины украшал;

Где девался мил дружечик,
Что словами улещал.

Смотри Песенник (Золотая Лира) стр. 55. Песня
Колечко.
Смотри: Е. Елеонская, Великорусские частушки.
Нумер 5106.

Пава ходит, речь заводит
Не скупится на слова,
У Алены сердце бьется,
Не плетутся кружева.

Смотри: Д. Садовников. Песни Волги, стр. 130. (Заз-
нобушка.) П. Флоренский, Нерехотские Частушки.
Нумер 89.

На последнюю копейку
Найму тройку лошадей,
Дам я кучеру на водку,
Погоняй брат поскорей.

Смотри: Нов. Песенник 1000 песен. Изд. Н. Холму-
шина, стр. 37 (тройка).... Е. Елеонская, Великорусские
Частушки, номер 2007.

Говорила сыну мать,
Не водись с ворами,
Руки ноги закуют,
Скуют кандалами.

Песенник (Говорила Сыну Мать) изд. И. Сытина,
1913 г. Записана мною в Вологодской губ. в 1911 г.
Старые частушки переделанные на новый быт.

Мой миленок не теленок,
Любит целоваться;
Нет папаши, нет мамаши,
Некого бояться.
(Тверской губ.)

Эта же частушка переделана так:

Мой миленок не теленок,
Любит целоваться;
В Красну Армию ушел
Не могу дождатся.

Смотри: В. Князев, Современные частушки, изд. 1924 г.
стр. 51.

По старому:

Дрыгай, дрыгай потолок,
Дрыгай потолочина;
Не форси, моя милая,
Пока не колочена,

По новому так:

Дрыгай, дрыгай потолок,
Дрыгай потолочина;
Не форсите, кулаки—
Пока не колочены.

Смот. А. Жаров, Красная Тальянка, стр. 14, изд. 1925 г
По старому:

Хоть ругайте, не ругайте,
А по вашему не быть,
А по вашему не быть,
Не брошу милого любить.

По новому:

Хоть ругайте, не ругайте,
А по вашему не быть:
На собрание в ячейку
Не закажите ходить.

Смт. А. Жаров, Красная гармошка, стр. 19 изд. 1925 г.

Эх, играй, играй гармошка,
Четырех угольная;
Эх, скажи, моя милая,
Чем ты не довольная

По новому:

Эх, играй, играй гармошка,
Четырех угольная;
Напиши кресткор Тимошка,
Чем я недовольная.

А. Жаров, Красная Гармошка, стр. 21

Разыграю-разведу,
Двадцати боровую,
Хоть и спит, а разбужу
Милку чернобровую.

По новому:

Разыграю-разведу,
Двадцати боровую.
Комсомол деревню тянет
На дорогу новую,

И. Лукашевич. Частушки, изд. 1925 г.

Заиграл милой в тальянку,
За высокою горой;
Захватило за сердечко,
Только вымолвила: ой!

По новому:

Заиграл кто то в гармонь,
За высокою горой;
Подсказало ретивое
Комсомолец это мой.

И. Лукашевич. Частушки, изд. 1925 г.

Частушки, поющиеся с припевом после каждого куплета.

Чаще происходит так: частушку поет одно лицо, а хор подхватывает две строчки припева:

Сяду я на лавочку
Возьму балалаечку,
Как ударю по струнам,
Приходите девки к нам.

Гоп, мой гричаники,
Гоп, мой серый!

Дай, матушка, повернись,
Сделай милость повернись:
— Дулась, дулась, повернулась,
На колени спотыкнулась!

Гоп, мой гричанички,
Гоп, мой серый!

Ты скажи, моя милая,
Пара что ли нас с тобой:
Ты горбата — я хромой,
Ты слепая — я кривой.

Гоп, мой гричанички,
Гоп, мой серый!

Ходи ты, ходи я,
Ходи, милая моя!
Ходи Даша! ходи Маша!
Ходи милая, Параша!

Гоп, мой гричанички,
Гоп, мой серый!

На дороге то ухабы,
На возу сидели бабы,
Налетел я на ухаб,
Растерял я своих баб.

Гоп, мой гричанички,
Гоп, мой серый!

Частушки но с другим припевом:

Говорила старику,
Не ходи ты за реку,
А старик то не послушал,
Пошел в речку, да и вбухал.

Так и надо, так и надо
Не ходи куда не надо!

Саша улицей шла,
Видела Тараса,
Он хотел поцеловать,
Она не далася.

Так и надо, так и надо
Не ходи куда не надо!

Дунька была молода,
Всегда была резва,
К Афанасу в огород
За морковкой влезла.
Афанас та увидал,
Ну и Дуньке прописал . . .

Так и надо, так и надо,
Не ходи куда не надо!

Маша сеяла, трусила
Блоха спину укусила,
Она думала, что клоп
По спине ладошкой хлоп.

Так и надо, так и надо,
Не ходи куда не надо!

Баба сеяла муку,
Нагрубила старику,
А старик то разругался,
До старушеньки добрался.

Так и надо, так и надо,
Не делай чего не надо!

ПЕСНЯ СКОРОГОВОРКА

Частушка одна за другой поются скороговоркой

Чем мой грош не хороши,
Аль любить меня не хош.
Ходи, ходи ходырем,
Зови, зови Федором!

Ой, лапти мои, лапоточки мои.
Износились—не спросились,
Истрапались—не сказались!

Ох, тещя моя, добродушная,
Заплати ка за меня—все подушныя.

На демьяновом лугу
Стоит чашка творогу:
Прилетели две тетери
Поклевали—улетели.

Ходи ты, ходи я,
Ходи милая моя!
Ходи Дарья! ходи Марья!
Нонче праздник у Макарья!

Ох, тещу грех и невестку грех,
А как дядину жену,
Поцелую—обойму.

Двух строчные песенки Страдания соединены вместе, поются как длинные песни.

На горе стоит часовня,
За мной гонится не ровня.

На горе стоит аптека,
Любовь сушит человека.

Летел голубь через крышу,
Я страдаю через Мишу.

Летел голубь через баню,
Я страдаю через Ваню.

Ой мамаша, люблю Колю,
Люби, дочка, даю волю.

Ой, мамаша, люблю Мишу,
Люби, дочка, давно слышу.

Ой, мамаша, люблю Ваню,
Люби, дочка, давно знаю.

Ох, страданье чтоб ты сдохло,
Чрез тебя я вся изсохла.

Нет ли тетушка Маланья,
Мне лекарства от страданья.

От страданья нет лекарки,
Окромя дубовой палки.

От страданья одно средство,
Не влюбляйся с малолетства.

Записаны в дер. Челагино, Кашинского уез. Тверской губ. 1926 г. Поется подряд, как песня, одним мотивом.

Кто поет частушку?

Кто поет частушку? Кто частушкой больше всех интересуется старое или новое поколение? Кто главным образом является хранителем самих частушек? Вот очень важные вопросы и не выяснивши их, трудно выяснить их истинное положение частушек в народном быту. Для правильной оценки данного творчества—все это необходимо знать и знать это неотложно. Без знания этого нельзя составить верного представления о той роли, какую они играют в народном обиходе.

Все ошибки старых исследователей и собирателей заключались в том, что они проглядывали бытовые особенности между старым и новым поколением и их яркое расслоение на две противоположные грани.

Молодости всегда свойственна революционность.

А старому поколению всегда реакционность.

Вот две грани, вот две яркие особенности, примирить которые страшно трудно или вернее почти невозможно.

Да и как их примирить, когда между старым и новым поколением, сами жизненные интересы расходятся.

Одним хочется жить во всю и ничем не хотят быть стесненным и связанным. А другия их суют в рамки существующего домостроя и многое запрещают и не дают им ходу.

А эти рамки молодому поколению кажутся узки.

Ну и тут конечно, разгорается ожесточенная борьба между одним поколением и другим.

Вот это характерное расслоение деревни на два быта на новое и старое, как не надо лучше отразилось в самих частушках и с этой стороны нам частушки ценные.

Если мы будем внимательно всматриваться в саму частушку, то мы скоро заметим, что эта поэзия в полной своей сущности—поэзия молодого поколения.

А что это все происходит так, то это все мы видим из всех жизненных обстоятельств, только стоит усиленно к этому присмотреться.

Начнем хотя-бы с исследования самих источников, откуда главным образом, черпаются частушки самими собирателями.

И скоро убеждаемся, что главный источник откуда мы черпаем частушки, то это будет молодежь. Кто их чаще всего распевает—опять молодежь. А кто главным образом творит их—все опять молодежь.

Эта поэзия в полном смысле поэзия молодежи.

Собиратели старых песен предпочитали обращаться для своих записей песен к убеленным сединами старикам и старухам и от них главным образом и черпали свои репертуары лирических и эпических песен.

Молодых же для этих целей редко использовали, да они по их взглядам были и мало подходящи и знали мало самой старинки.

В деле собирания народных частушек, как раз все дело обстоит обратно.

Самым важным хранителем этой поэзии, как раз является возраст от 10 до 20 лет.

Стариков лучше и не спрашивай.

Где нам такие пустяки в голове держать, говорят они, всему время, а нам уж не до этих пустяков.

В представлении старого поколения частушка ни что иное как пустяк, мусор, дурь молодежи.

И дальше часто добавляют:—было время и мы знали а теперь, дружек, все позабыли, где уж их нам помнить.

И от них самое большее можно выклянчить какой нибудь десяток, а дальше они уж вам не в состоянии ообщить еще что либо.

Но совсем обстоит дело по другому с молодежью, ни не только тебе все с пылом и жаром расскажут

свое, но постараются, что нибудь и от тебя выклянчить.

А ну—ка, скажут, дяденька, ты теперь сам рассказчико что нибудь из своих частушек, да еще тебе в условие поставят, чтобы рассказать что нибудь посмешнее.

Остроту, юмор, частушку сатирическую они в особенности любят.

Если поставить перед молодежью частушку и песню и спросить их, что лучше рассказать: частушку или песню, то они сначала потребуют частушку, а потом уж песню.

В частушке острее отражен быт молодежи, острее и сатиричнее частушка и на свой язык, а острота и сатира народом всегда ценится.

Помимо всего этого, в частушке, как не надо лучше кратко и образно затронуты все самые насущные интересы молодежи.

Тут их любовной флирт, тут их сатира на подружку, товарища, тут же их протест на родительский гнет,—словом, тут затронуты все их бытовые интересы.

И не даром стручки частушку называют ребячым интересом и это старикивское определение близко к истине.

Частушка, действительно творчество юности, а не творчества зрелого возраста и зрелой жизни.

Сколько бы вы ни просматривали тысяч этих миниатюр, они все на один пошиб смахивают, от них от ~~всех~~ одной юностью пахнет. В них всегда затронуты, большою частью, самые мелкие будничные интересы, которые только и интересны самой радней юности, а не пожилому возрасту.

Потому в головах старых людей, эти вирши никак и не могут удержаться, так как они ничего не говорят уму и сердцу для них интересного, а если иногда и сохраняются, то и то больше шуточные или плясовые.

По духу своему частушка поэзия бурливая, мятяж-

ная, отчаянная и собой представляет полную противоположность длинной песне.

Если длинная песня вырывается из уст плавно, ровно, гармонично, высоко поэтично и имея в тоже время свой глубокий смысл.

Частушка же звучит: нервно, истерично, раздражительно и ко всему больше подходит с ядовитой насмешкой сатиры или юмора.

Но помимо всего этого, в частушке вы встретите удивительно много детской наивности.

Подобной наивности вы ни в каком виде народного творчества не встретите, а в частушке вы встретите в большом избытке.

И как прав был один почтенный собиратель Заленский, который назвал частушку поэзией улиц, задворок иочных гуляний. Частушка действительно больше всего исполняется на улицах и задворках, где всего больше собирается молодежь и она часто является действительно истинной спутницейочных гуляний.

И кому не знакомы эти истерические выкрики разгулявшихся молодых парней, часто с отчаянной порнографией, с веселой гармонией и грубым бубном.

Да и чем же в деревне заняться молодежи, как не всем этим.

Если частушку творит молодежь ежечасно, то она в веселом порыве своем тут же и выносит ее на улицу и разгоняет ей свою тоску—кручину, скрашивая всем этим свою серую, однотонную деревенскую жизнь, делая ее более красивой, отрадной и радостной.

О значении частушки в народном быту.

При критической оценке народных частушек, никакой вид народного творчества не вызывал столько разнообразных толкований, какую вызывала народная частушка.

Тут, можно без преувеличения сказать, получилась большая не разбериха; одни от частушек приходили в восторг, другие в уныние; одни частушку превозносили до небес, другие считали ее исчадием самого ада. И все исследователи свои исследования обосновывали на самих частушках, на их текстах, тексты частушек и приводили в свое оправдание перед читателями.

Читая все это, то обыкновенный читатель приходил в тупик, кому верить?

Все они по своему правы, у каждого исследователя имеются большие козыри в руках—тексты самих частушек, против которых спорить не приходится.

Положение в полном смысле самое трагическое.

Да и где выход?

Да, наконец, что же за творчество, из которого можно выводить какие угодно выводы и наряжать в какие угодно платья и каждое платье будет к лицу и к месту.

Что же за причина всему этому.

Причина по прежнему старая, это незнание самого народа: его условий, его жизни, его быта, его психологии, его обстановки, при какой протекает его жизнь.

Народная жизнь очень многогранна, до бесконечности разнообразна, разнообразны до бесконечности должны быть и его социально—бытовые условия жизни.

А раз так, то многогранна до бесконечности должна быть и его поэзия.

Из многогранных камушков можно какую угодно смастерить вещь, камушки служат только материалами, а там строй из них, что хочешь и что желаешь. Можно смастерить очень красивое и можно смастерить очень отвратительное и все это будет зависеть от плана архитектора и от искусства самого мастера, а не от самих многогранных камушков.

Тоже происходит и с частушкой.

Под каким углом их будешь рассматривать и какие грани будешь подбирать, такая и вещь получится.

В них можно найти много чисто революционных мотивов и в них же можно найти чисто мещанских и контрреволюционных взглядов.

И недаром современные исследователи приводя частушку, часто от себя добавляют и ставят пояснения: песни нового быта и песни старого быта и этим всем находят, как бы два различных быта. Но мы жители здесь на местах этого, конечно здесь не видим, а знаем другое характерное явление, не столько в самом быту, а больше разницы в самом подходе к быту, со стороны социальных расслоений и размежевываний на почве чисто экономической.

Вот эти бытовые экономические влияния большим клином врезались в современную деревню и разделили ее на два враждующих лагеря.

Благодаря этого получилось два настроения в самой частушке и одни поют:

Сидит Ленин на березе,
Троцкий выше на ели,
Для чего же вы, товарищи,
Коммуну завели.

Или такую:

Мы советскую республику
Не станем защищать:

Все советы с коммунистами,
Будем к черту посыпать.

другие им отвечают:

Не кукуй, кукушка, в лесе,
Вылетай на волюшку;
Бедняку совет защита,
А буржуям горюшко.

И дальше:

За советское правление
Буйну голову сложу:
Я милее этой власти
Ни какой не нахожу.

Как видите, приговор той и другой стороной произнесен в самой частушке, теперь дело остается за самим исследователем, какую он сторону примет, такая и частушка получится.

Но эта картина в политическом отношении.

Ниже мы постараемся разсмотреть другую картину, картину в бытовом отношении.

В бытовом отношении частушка так же имеет два лица: хорошо и худо, право и лево, что будешь искать, то и найдешь она в своем разнообразии может всем угодить и хулителям и хвалителям и не даром один исследователь назвал частушку катанинским творчеством.

Да как после этого ее и не назвать, когда она на одной и той же ноге служит и нашим и вашим. Хулителя много в ней нашел для подтверждения своей хулы на нее, а хвалитель тоже остался не с пустыми руками и разыскал в ней не мало красивых перлов, с которыми не стыдно в люди выйти.

И вот на этой почве часто разгорается спор, как нужно ее понимать и оценивать.

Но при этом забывают, что люди то хотя из одного теста сляпаны, но по разному воспитаны.

Каков народ, таковы его и песни, каково зеркало, таково его и отражение. Русский народ всегда был большим реалистом, он никогда не любил скрывать свои настроения души; и может быть, что такая откровенность совсем не выгодно отзывалась на его репутации, но это еще только пол беды. Но самая та беда заключалась в самых ценителях этих откровенностей.

Так как сами-то ценители, часто оказывались не на высоте своих познаний о психологических народных настроениях, а потом у них, естественно, получались крикливые суждения о его нравственности, о его грубости и непристойности.

Происходило это обыкновенно так: получал исследователь целый пук самых разнородных частушек из деревни и среди них попадали с не один десяток через чур откровенных вирш, от которых в полном смысле пахнет кабаком и разнузданностью и отчаянным хулиганством и этого уже достаточно.

Ага, говорят, народная поэзия есть зеркало народной души, но какова это стала душа, кому она уподобилась и вот вам факты на лицо:

Выплыл месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана;
Станем резать и душить,
Все равно в Сибири жить.

И дальше:

Кто нас жуликов затронет,
Тот пойдет домой застонет:
Кто нас жуликов побьет,
Тот в крови домой пойдет.

И еще:

Наливай вина стаканы,
Идет шайка хулиганов,
Хулиганы идут пьяны,
Стекла бьют, трясутся рамы.

И этого бывает вполне достаточно, чтобы на весь народ произвести тяжелое обвинение в его разнузданности.

И слушая все это мне всегда припоминаются песенки моего старого друга молодости Вани.

Он не любил песен обычновенных — скромных, а всегда где то откалывал самых отчаянных, самых ухарских, от которых земля тряслась, от которых небу было жарко, а девицы навстречу уж и не попадайся: со стыда сгоришь. Такова была его натура.

И вот бывало идем по улице деревни, а он и начнет откалывать и откуда что берется:

Вы, ребята, дома бойки,
Погуляли бы у нас.
У нас ножички аршинные
Помахиваем вас.

Наши головы не робки,
Не боятся потеребки;
Потеребочку дадут,—
Домой веселые идут.

И еще отчаяннее:

Меня били колотили
В три ножа, четыре гири,
Кто пленом, кто колом,
Один мазурик топором.

И еще:

Меня гирей колотили,
Меня резали ножем;
Не могли меня зарезать
За то назвали ежом.

* * *

Меня били колоти,
В чистом поле, на крестах,
Проломили мою голову
В двенадцати местах.

Слушая эти самые отчаянные причеты о себеже, можно было подумать, что таким молодцам и Сибири мало, а прямо на веревочку, да на столбы болтаться, как вредный элемент.

Но на деле все выходило не так.

Этот выходец из Брынского леса, был первый трус из всей компании.

Он хотя и пел, что у него и ножик аршинный, что его голова пробита в двенадцати местах, а между тем вы у него не только на голове, но и на всем теле не одной ранки не найдете, а о ножике уж и не думай и во всех карманах кроме махорки да бумаги ни чего не найдешь.

И этот Джек потрошитель боялся дома курицу зарезать и всегда говорил: пусть тятька режет, а я боюсь.

Вот тут и пиши исследователь о наших головорезах, а таких песенных головорезов в наших деревнях и посие время сколько хочешь водится. Они, прямо, настоящие Дон Кихоты, которые готовы на словах хоть сейчас с мельницами биться, но только все это на словах и в песнях, а на самый бой—руки коротки.

О безобидных ребячьих шалостях, конечно, и говорить не приходится, они в былые времена были, они так же в избытке водятся и сейчас и ничего страшного не будет, когда утром проснешься, то сани найдешь в поле, хомут привязан на суку березы, а дугу где нибудь на крыше ищи.

Да они и сами в своих частушках, часто признаются в своих проказах.

Мы не столько нагуляли,
Сколько начудесили:
Кулаку мы на трубу
Борону повесили.

Мы по улице пройдем,
Что нибудь да сделаем,
Дресь поленницу уроним,
Или сани уведем.

И недгэсм и наш дядя Михайло за такие проделки таким сарганигм всегда часто мать перемать загибал, а им хоть бы что, и как вечер приходит, так они спать за старое.

В ссобенности таких проказ бывает много в святки, когда из деревни в деревню ряженые ходят. Но все это, конечно, ребячество и ничего угрожающего для общества нет.

И напрасно в этих шалостях видят признаки хулиганства, нет это не признаки хулиганства, а признаки избытка сил, которые здесь применить некуда и за отсутвием настоящих культурных развлечений пускаются в ход вот эти, лишь бы время провести, да по хихикать было бы над чем, вот понудительные причины, что заставляет нашу молодежь пускаться в подобные развлечения.

Но таковыми героями была полна и древняя Русь. Возьмем для примера хотя бы старого эпического героя древней Руси, пятнадцати летяго Василия Буслаевича, когда он почувствовал избыток сил, то стал:

По улице похаживати,
С ребятами шутки пошучивати:
Кого за ногу—нога та прочь,
Кого за руку—рука та прочь.

Хороши шутки, скажут современные люди, но мало того дальше мы видим, что для обороны своей он не простой взял кол, как это делают наши современные молодцы, а взял восьми саженное бревно:

Куда махнет, туды улицы,
Переулками народ валится.

И недаром возопили к честной вдове, мужики новгородские, что после этого не останется людей на семена.

А уж на счет зелена вина, то уж нашим героям против старых, куда дрябать. Там один герой выпивал чашу в полтора ведра. Ну, а в порнографии старый добрый молодец пожалуй ни сколько не уступит современным Дон Жуанам.

И не даром наш первый рукописный сборник Кирши Донилова ни разу ни печатался полностью, а всегда с большими сокращениями и пропусками, несчитая, конечно, академического издания.

Если западу известно средневековое рыцарство, то русскому народу в известной степени очень сродни Дон Кихотство, это Донкихство мы можем проследить в целом ряде столетий, от него мы не освободились и досих пор и оно у нас выросло не на почве рыцарства, а на почве избытка сил, а потому наши доморощенные рыцари, куда сильнее средневековых рыцарей и они действительно являются истинными богатырями и недаром народ наш так много посвятил им своих песен-былин.

Правда, наши богатыри далеко отстали от буржуазных рыцарей в своем изяществе и манере, как выражаться по этикету, так и драться по правилу, но зато цивилизованный народ зовет наших не богатырями или рыцарями, а просто серыми медведями. Да и как же их иначе и называть, когда они не умеют ни на шпагах драться, ни по этикету выражаться, а делают все по просту и местят не в причинное место, а просто по русски в ус да в рыло или уж нож по ручку да и к праотцам.

Есть у этих серых медведей и свои Дульцинеи Тобозских, но они их называют не Дульцинеми, а опять по просту: ягодиночка, карамеленка, жадобиночка, пачичка, ненаглядочка и. т. д. и я таких названий начитываю более пятидесяти.

Из за этих жадобиночек и краличек, пачичек, так же часто идет большая потасовка между собой, но опять все по просту, не мечами да пистолетами, а своими природными кулаками.

И вот вам описания этого боя:

На Ильинской на горе
Дали плюху, дали две,
Дали восемь оплевух
Из за девок из за двух.

И он смело заявляет своей Дулицинеи, как не победимый герой, говоря ей:

Колотили—бухали,
По моей головушке,
Хоть бы что, милашка мне,
Я опять иду к тебе.

И все это до наивности просто и не натянуто, откровенно и истинно. Вот вам вместе с донкихством и средневековый романтизм, а его вы в самих частушках найдете в избытке.

Если в частушках мальцов вы много найдете схожего с донкихством, то в частушках красных девушек вы найдете много истинной женственности и удивительной нежности в умении обращаться со своим возлюбленным и девушка в это время, действительно, уподобляется самой истинной голубке и только тогда она неистово нервничает, когда в ее любовь ввязывается нечто постороннее или можно сказать непрощеное и неожиданное, как подружка соперница или власть родительская.

Вот в эти моменты в душе девушки созревает отчаянный протест и из пассивной девушка становится активной к самозащите.

Да и как тут не протестовать, когда так был близок ее идеал к осуществлению, а тут вмешалась какая-то сила и все начинает наложенное расстраивать, а

в особенности злы бывают девушки на подружек соперниц.

И не даром девушка поет:

Ах, подружка сатана,
В какие хлопоты ввела,
Какую сделала беду,
Не стало с миленьким ладу.

И она пока просит честью:

Девушка подружка,
Не тронь моего,
Тебе годиков не много
Дожидай-ка своего.

Но последняя совсем не хочет уступать избранника сердца и первой прямо заявляет:

Отойди ка, супротивница,
От наших от дверей;
Ты любила—я отбила,
Ты теперича отбей.

Но мало того что отбила, но часто еще и насмеяется:

За миленка, супостатка,
Не кляни и не ругай,
Сундучек купи окованный,
Да дролю запирай.

И тут невольно в голове девушки созревает месть отплаты:

Я любила, ты отбила,
Тебе гроб и мне могила,
Тебе гробик со цветами,
Мне могила со слезами.

Но бывает и то:

Миленький посватался,
Родители не отдали,
У молоденькой девченки
Все то счастье отняли.

А потому часто своему милому приходится невольно наказывать:

Проводи, милой, подале,
Что бы наши не видали,
А как наши подглядят,
Живую девушку с'едят

Или так:

Мы с миленком больно хитры,
Друг на дружку не глядим,
При народе ходим боком,
Без народа посидим.

Но всему бывает предел и часто эта же девушка становится на путь революционного протesta и родителям прямо заявляет:

Отдавайте, не зевайте,
Нет, так прозеваете:
В исполнение распишусь,
Дочки не увидаете.

Или так:

Не отдашь, мамаша, с воли,
Улечу как пташка с кровли,
Ты увидишь нас тогда,
Когда поеду от крыльца.

Теперь посмотрим, как эти Дульцинии Тобозские относятся к своим возлюбленным паичкам, болиночкам, ненаглядочкам и т. д. и как они горячо их любят:

Всех получше из артели
В серой кепочке один,
Мы с подружкой любовались
Из окошечка над ним.

* * *

Думала, что успокою
Ретивое свое:
Еще боле заболело,
Как увидела его.

* * *

Пришел забава на беседу,
Веселее стала я,
Под гармонью песни пела—
Все заметили меня.

* * *

Пая в красненькой рубашке
Шарфик новый голубой,
Как ему не заносится,
Каждой девушке любой.

* * *

Люблю розовы цветочки,
Как ты мой дорогой,
Не дождешся того время,
Когда ты будешь мой,

* * *

Цветок ходит—не подходит,
Со сторонки погляжу,
Я тебя любее, дроличка,
Нигде не нахожу.

* * *

Не дождешься когда сядешь
Рядом на скамеечку,
Не дождешься, когда взглянешь
На меня на девочку.

Но не редко бывает, что среди женских частушек попадаются прямо с ног сшибательные вирши, от которых прямо пахнет домом терпимости. Вот такие частушки в особенности любят приводить в свое оправдание хулители частушек.

За бутылку белой водки
Отдалася я Володьке,
За бутылку лимонаду
Отдалася я солдату.

* * *

Отворяй, мама, ворота,
Я с гуляночки иду,
Стели мягкую постелью,
К себе спальщика веду.

* * *

Раньше с чупчиком ходила,
Теперь кудри завила;
Раньше Петеньку любила,
Теперь Шуру завела.

* * *

Топну ножкой, топну двум
Не ходи, милой, ко двум!
Люби девушку меня—
Нет—так по уху тебя.

* * *

Ой, тятенька, поилиц
Кормилиц дорогой,

Отдавай скорее замуж
Напостыло спать одной.

* *

Говорят, что в девках худо
В бабах хуже и того:
Повернесся с боку на бок
Рядом нет и никого.

Частушки мальцев, когда дело идет о любовном
флирте, то они тоже не дурны и они во многом не
уступают девичьим.

Приведем для примера их несколько:

Полно, беляночка, хороша
Меня глазками ласкать,
Твои очи, в темны ночи,
Не дают спокойно спать.

* *

Звездочка небесная
Девченочка прелестная,
Прелестила молодца,
Лучше матери отца.

* *

Ты, милашечка, не сохни
Не суши сама себя,
Подожди до мясоеду
Будешь женушка моя.

* *

Эх, ты, милая моя,
Русая не белая,
Что я слышал про тебя
Ты девченка смелая.

Не ходи, милка, боса,
На дворе больша роса,
Ты простудишись-помресь,
Во сырь землю пойдешь.

* *

Тебе спасибо, милая,
Во время нарядилася,
Мимо домика прошла,
Мамаше полюбилася.

* *

Скоро, скоро снег растает,
Вся земля согреется;
Скажи верное словечко
Можно ли надеяться...

* *

Под окном березка вянет,
На березку гляжу я;
Выходи, милашка, замуж,
Не суши ка ты меня.

* *

Чернобровая, сударушка,
Пойдешь ли за меня,
Только батюшка, да матушка,
Золовушка, да я.

Почему частушку нужно записывать.

Если впереди мы много говорили о самих частушках, то сейчас не лишнее будет сказать о той исторической пользе, какую она приносит и почему ее в данной момент нужно так усердно записывать и собирать.

Куда, как был прав наш уважаемый Г. И. Успенский, который сказал:—собрав все эти частушки, как собираются статистические сведения о крестьянском дворе, то мы имели бы самую верную картину народной жизни. И такое выведенное заключение в полном смысле истина и истина бесспорная.

Никакая народная поэзия не рисует, так всесторонне народную жизнь, как ее рисует и обхватывает собой народная частушка. И на это вряд-ли что можно возразить.

Она говорит не только об исторических бытовых явлениях и политических и экономических отношениях, но она больше всего свидетельствует о всех народных расслоениях в самом народном быту, о моральной войне между старым и новым поколением.

Частушка во все времена и всегда была поэзией молодежи и в ней всегда чувствовалась больше революционного задора и неудержимого стремления все вперед и вперед, а не топтанье на одном месте.

Частушка всегда вела отчаянную борьбу за завоевание себе полной безграничной свободы во всем и везде.

Ее главное орудие с которым она выходила на бой это ее *сатирическое слово*, которым она и жалит на подобие ядовитой змеи, от укуса которой не скоро оправляются. Но она в деревне является часто не толь-

ко сатирическим явлением, но часто и критическим, с философским моральным оттенком.

И недаром любит ее народ, а в особенности молодежь, за ее развязность, за ее отчаянность, за ее ухарство, за ее меткость критической оценки данного момента. Частушка хоть кого подденет. Она никого не постесняется, у ней девичьего стыда нет, а есть задор не на убийство, а на поддеванья и она порой так подденет, что на ногах не устоишь и ее удар долго останется в памяти. И недаром старики частушку не любят и не любят за ее несдержанность, за ее нахальство и бесстыжесть.

Частушки всем бы ничего, говорят старики, но в частушке уж очень много хамства и пошлости.

Но как же избежать всего этого, когда хамства и пошлости в самой жизни хоть отбавляй, Зачем пенять на зеркало, когда у самого рожа крива. Нужно подняться выше в духовном отношении изчезнет тогда и сама пошлость.

Частушка нам только фотографирует, она как фотографический аппарат, только воспроизводит существующее духовное настроение народных масс, а уж от тебя зависит какие принять меры чтобы всего этого не было.

Частушка уже не виновата, что если мы сами плохи и из этого нельзя выводить заключение, что если мы сами плохи, то ее ненадо собирать.

В таких случаях как раз нужно поступать наоборот и не только их нужно собирать, но нужно самым прилежным образом их изучать и в изучении их найти главные причины, что главным образом способствует тому чего бы нам не хотелось видеть и как избавиться от всего этого, чтобы всего этого небыло.

Вот мне кажется таково должно быть истинное решение данного вопроса.

Когда лечат болезнь, то прежде всего изучают причины ее, а потом принимаются за лечение.

В частушке болезненного действительно очень много и этого никто оспаривать не будет. Но на наше

счастье и пациент очень словоохотлив на рассказы о себе, только стоит быть к нему повнимательнее и он тогда вам все свои недуги расскажет и все будет без утайки и коварства и ни в чем не соврет и не сковарничат, только внимательно запиши все от него слышенное, что о себе поет, что о себе рассказывает, а потом садись и изучай записанное и против замеченных недугов прописывай лекарства.

Но с делом записывания нужно в особенности спешить и спешить нужно по тому, что частушка не связана ни с какими обрядами и она как скоро рождается, так скоро и умирает, не оставляя за собой никакого следа.

Д что забыто, то навеки потеряно для истории, для будущего поколения.

И пусть наши потомки не обвиняют нас в лени в инертности, равнодушии, а пусть они видят полную картину, как мы жили, как мы на то или другое явление жизни реагировали.

Если мы сами, может быть, мало исправимся, но зато видя наши ошибки, следующие поколения сами остерегутся и не будут повторять ошибок дедовских.

Прошедшие поколения всегда являлись школами для новых поколений, но новое поколение всегда из старого много вычеркивало, во многом не соглашалось, но продолжала учиться и идти вперед и вперед, ища новые тропы, прокладывая новые пути в заманчивую волшебную даль, с вечно старыми стремлениями: быть счастливым, достигнут счастья...

Не будем мешать, а будем способствовать в поимке этого чарующего счастья, пусть они обретут его, а мы, много пострадавшие в это переходное время уже и тем много сделаем, что безо всяких прикрас правдиво о себе расскажем.

Вас. Ив. Симаков

Дер. ЧЕЛАГИНО, Кашинского уезда, Тверской губ.

1-е Марта, 1927. г.

Краткая программа собирания частушек.

Где записана частушка: губерния, уезд, волость, селение. Имя отчество, фамилия сказателя—певца, его возраст, его социальное положение: рабочий, крестьянин служащий, городской житель.

(Все это нужно отметить обязательно и в первую очередь).

2) Повозможности сохранить все особенности говора данной местности в произношении и ударениях.

3) При записывании, когда встречаются заметные недостатки в смысле рифмы, смысла и. т. д. то в этом случае следует обязательно переспросить сказателя—певца, верно ли он передает: не забыл ли, не перепутал-ли, с чем другим, и если сказатель будет колебаться и в этом и он не уверен, то об этом обязательно отметить при записи.

4) Какое название носит сама частушка в данной местности и как ее народ называет: частушка, пригудка, припевка и. т. д. об этом тоже отметить.

5) Если укажет на кого либо, что такая-то или такие сочиняет частушки, то постараться записать эти сочиненные частушки, а так же кратко описать автора этих сочинений. Его возраст, социальное положение, давно-ли он сочиняет, распеваются-ли его частушки другими.

6) Отметить из записанных, какие по мнению авторов—сказателей, самые новые частушки, а в особенности злободневные и сатирические и давно-ли те или другие появились в данной местности. Не лишнее будет, так же отметить, кто больше распевает частушку: старое или молодое поколение и их отношения к ним.

7) Сами записи, или копии с них (чтобы они не утрачивались), самое лучшее отсыпать в Государственные учреждения, каковыми будет: Государственная Академия Наук. Ленинград, университетская набережная. Государственное Русское Географическое Общество, Ленинград, Демидов переулок, д. 8 или же сдавать в местные учреждения Краеведения.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1. Об историческом происхождении частушки	3.
2. О собирателях и собранных песнях	7.
3. Что такое частушка	13.
4. Как слагаются частушки и кто их творит	20.
5. Техническое построение частушек	25.
6. Кто поет частушку	39.
7. О значении частушки в народном быту	43.
8. Почему частушку нужно записывать	58.
9. Краткая программа собирания частушек	61.

Книги того же автора.

Сборник деревенских частушек Ярославль, 1914 г.
670 стр. 2 руб.

Деревенские песни-частушки. 4-е издание. Москва,
1917 г. 12 вып. Цена 60 коп.

Частушки: Солдатские, Рекрутские, о войне и т. д.
С. П. Б. 1915. Цена 50 коп.

Несколько слов о деревенских припевках-частушках.
Цена 10 коп.

Сборник новых романсов. Москва. 1915. Цена 50 к.

Подготавляются к печати:

Всесоюзное собрание

ВЕЛИКОРУССКИХ ЧАСТУШЕК.

Адрес автора:

Москва, Самотечный проезд, д. 22, кв. 3.

Вас. Ив. Симаков.